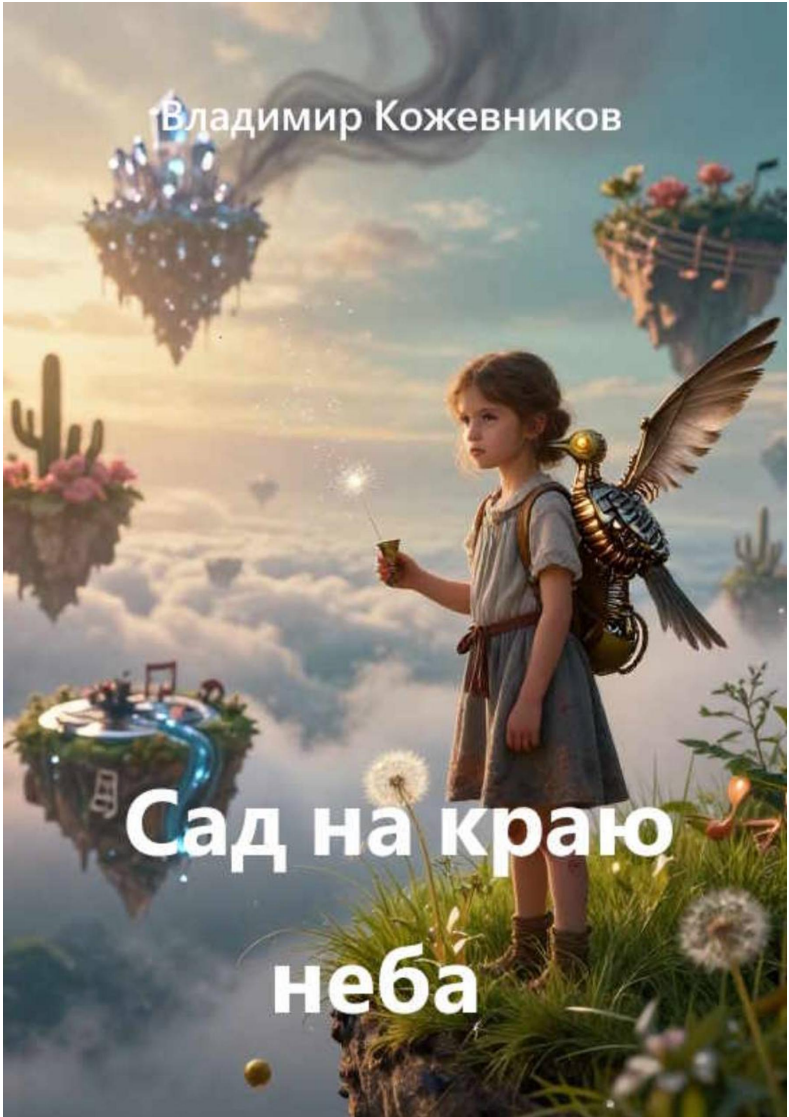

Владимир Кожевников
Сад на краю неба

Владимир Кожевников
Сад на краю неба

https://litres.ru/74743639
SelfPub; 2026

Аннотация

Маленькая садовница Мила живёт на крошечной планете Крошка, где выращивает звёздные одуванчики, расцветающие из недослушанных звуков. Когда Чёрный ветер — стихия забвения — уносит её цветы и механического друга Тика, Мила отправляется в путешествие по хрустальным, пыльным и поющим островам. Ей предстоит научиться плакать, слушать тишину, отпускать самое дорогое и понять, что свет, который она ищет, всегда был внутри неё. Лирическая философская сказка для читателей от 10 до 100 лет.

Содержание

Глава 1. Одуванчиковый свет 4
Глава 2. Планета Стеклянных Слёз 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Владимир Кожевников
Сад на краю неба

Глава 1. Одуванчиковый свет

На планете Крошка утро пахло мёдом и мокрым камнем, а свет был таким густым, что его можно было намазывать на хлеб — если бы у Милы был хлеб. Хлеба не было. Была роса в напёрстке, тёмная грядка и звёздные одуванчики, которые росли из звуков, никогда не дослушанных до конца.

Планета была маленькая: Мила могла обойти её всю за полсотни шагов, но никогда не спешила. Зачем спешить, если под ногами поскрипывала мягкая, как войлок, трава, а каждый камень здоровался по-своему — один шёпотом, другой скрипом, третий просто теплом?

Мила жила в домике из старого чайника. Вернее, чайник был только крышей; стены она сложила из речных камешков, окно сделала из осколка синего стекла, а дверь — из крышки от жестянки, в которой когда-то хранились леденцы. Внутри пахло сушёными лепестками и медной стружкой. На полке стоял напёрсток, до половины наполненный росой. Каждое утро Мила поливала из него звёздные одуванчики.

Это были необычные цветы. Их стебли казались тонкими, почти прозрачными, а головки светились изнутри, будто в

каждой спала маленькая лампа. Но главное было не в свете. Звёздные одуванчики росли из звуков, которые никто не дослушал: из оборванных песен, из несказанных «прости», из смеха, прерванного на середине. Мила не знала этого точно, но чувствовала: если долго стоять рядом с цветком и слушать, можно услышать чужой голос. Поэтому она никогда не срывала одуванчики. Она только поливала их росой и разговаривала с ними так, будто они могли ответить.

— Ну вот, — говорила Мила, наклоняясь над грядкой. — Сегодня ты вырос на целую пуговицу. Это много. Пуговица — это очень много.

Она разговаривала с цветами, потому что на Крошке больше не с кем было разговаривать. Впрочем, был ещё Тик.

Тик сидел на краю грядки, похожий на воробья, которого собрали из часовых пружин, медной проволоки и одного пёрышка, найденного в сугробе лунного света. Мила сделала его сама: когда-то ей было одиноко, и она собрала себе друга из всего, что нашлось под рукой. Тик не умел летать по-настоящему. Его крылья поднимались, дрожали, звенели, но поднять его над землёй не могли. Зато он умел слушать.

Его единственная песня была тихой: «тик-так-тик». Мила уверяла, что в этой песне слышен целый мир: как растёт трава, как остывает чай, как звёзды переговариваются с камнями. Но у Тика был и другой талант, о котором Мила догадалась не сразу. Он резонировал с недослушанным. Если рядом кто-то обрывал фразу, если ветер уносил последнее

слово, если песня застревала в горле — медные пружины Тика начинали тихо дрожать. Он был не просто механической птицей. Он был маленьким приёмником забытых звуков.

— Тик, — спросила Мила однажды, — а если я выращу самый большой одуванчик, он осветит всю планету?

Тик ответил не сразу. Сначала он коротко звякнул: «тик». Потом подождал. Потом добавил: «так». Пауза между звуками была длинной, как выдох.

— Поняла, — кивнула Мила. — Ты говоришь, что свет — не главное. Главное, чтобы его заметили.

Тик снова звякнул. Мила не знала, согласен он или просто завёлся, но решила считать, что согласен.

Она мечтала вырастить такой цветок, чтобы его света хватило не только на Крошку, но и на соседние острова. Правда, соседних островов она никогда не видела. Только слышала от ветра, что где-то там, в океане эфирного молока, плывут другие земли: стеклянные, розовые, сине-зелёные, серебряные. Ветер рассказывал об этом шёпотом, и Мила не всегда понимала, где правда, а где просто шорох паутины.

Она любила ветер. У ветра не было лица, но был характер: иногда он был ласковый, иногда ворчливый, иногда слишком торопливый. Мила привыкла разговаривать с ним, как с соседом, который заходит без стука. Она говорила ветру про свои одуванчики, про то, что напёрсток слишком мал, про ссадину на коленке, которую получила, когда пыталась поймать падающую звезду. Звезда не поймалась, зато коленка

стала красивой, как карта маленькой страны. Ссадина уже почти зажила, но Мила всё равно иногда трогала её — просто чтобы помнить, что падать не страшно, если потом встаёшь.

В то утро всё началось как обычно. Мила вышла из чайника, потянулась, поправила крышку-дверь и отправилась к грядке. Одуванчики светились ровно и мягко. Один, самый большой, уже почти созрел. Мила собиралась полить его росой и сказать что-нибудь важное, например, «Ты почти справился».

Но не успела.

Сначала потемнело не небо, а воздух. Будто кто-то выключил лампу не снаружи, а внутри самого утра. Потом пришёл звук — не гром, не свист, а длинный, ровный шорох, похожий на то, как если провести рукой по странице, которую давно никто не читал. И тогда налетел Чёрный ветер.

Он не был злым. В нём не было ни ярости, ни злобы, ни желания причинить боль. Он был равнодушным. Он просто шёл над планетой, как идут по комнате, где давно не убирали: не замечая, что сметают по пути. Чёрный ветер уносил всё, что перестали замечать. Одуванчики не погасли — они стали незамеченными. Тик не исчез — он стал звуком, который никто не слушает.

Мила стояла посреди грядки. В руке у неё был напёрсток с росой. Она смотрела вверх, и ей хотелось заплакать, но слёзы почему-то не приходили. Вместо слёз у неё вырвался смех.

Он был короткий и испуганный, совсем не весёлый, но всё-таки смех. И в этом смехе что-то тихо звякнуло, как пружина.

Мила замолчала. Потом потрогала ссадину на коленке.

— Ну и ветер, — сказала она. — Даже не попрощался.

Потом она села на землю, обняла коленки и долго молчала. Вокруг было темно. Одуванчики больше не светились. Чайник-дом казался чёрным. Даже трава перестала пахнуть мятой. Мила впервые поняла, что тишина бывает не мягкой, а тяжёлой.

Но она была упрямая. У неё был упрямый подбородок и ссадина на коленке, которая уже почти зажила, но ещё помнила, как это — падать и вставать.

— Ладно, — сказала Мила. — Значит, придётся идти.

Она достала старую карту, которую нашла когда-то в жестяной коробке под кроватью. На карте были нарисованы пять островов. Названия стёрлись, но Мила сама придумала им имена: Стеклянные Слёзы, Вечный Вальс, Забытые Песни, Зеркальные Реки и просто Дом. В углу карты было нарисовано солнце с длинными лучами. Один луч указывал на маленькую точку, подписанную «Крошка».

Мила решила построить воздушный шар. Паутины на Крошке было много — она росла между камнями и была прочной, как нитки. Лунного света ей хватило в бутылочке, которую она собирала по ночам. А карта должна была стать парусом. Мила работала весь день и всю ночь. Она перевяза-

ла паутину медной проволокой, привязала к корзине, сплетённой из травы, бутылочку с лунным светом и прикрепила карту так, чтобы та ловила ветер.

К утру шар был готов. Он был кривой, с одним боком выше другого, и пах одновременно пылью и звёздами. Мила забралась в корзину, поставила рядом напёрсток с росой. Шар не поднимался: ветра не было. Тогда Мила засмеялась — не от радости, а от страха, потому что стоять на земле было страшнее, чем лететь. И шар дрогнул. Смех Милы, оказывается, тоже был топливом: он поднимался вверх, цеплялся за паутину и тянул корзину за собой. Мила засмеялась сильнее, и шар поплыл.

— Ну что, Крошка, — сказала она. — Я скоро вернусь. И принесу свет.

Она не знала, куда лететь. Но карта показывала путь, а ветер — тот самый, обычный, не чёрный — уже шевелил её край. Шар поднялся над планетой. Мила посмотрела вниз, на свой чайник, на тёмную грядку, на маленькую планету, которая стала совсем крошечной.

И тогда она сказала ветру:

— Ты украл мои цветы и Тика. Но я всё равно тебя найду. И спрошу, почему ты не слушал.

Шар поплыл в океан эфирного молока. Мила шла, и небо шло за ней. Мила пела, и небо слушало. Впереди был первый остров — хрустальный, звонкий, пахнущий солью и ванилью.

Глава 2. Планета Стеклянных Слёз

Остров Стеклянных Слёз начался со звука треснувшего воздуха. Потом трещина стала звоном, звон — хрустальной люстрой, забытой в тёплом тумане, и только затем из молока показались прозрачные деревья. Их ветви были такие тонкие, что казались нарисованными; когда ветер касался их, воздух трескался на тысячу мелких бокалов. Реки на острове текли не водой, а радужными лужицами, которые не отражали, а преломляли: медовое становилось бирюзовым, бирюзовое — сиреневым, сиреневое — почти белым. Воздух пах солью и ванилью.

Шар Милы опустился на площадь, вымощенную гладкими стеклянными плитами. Мила вылезла из корзины, поправила напёрсток с росой и огляделась. Вокруг стояли бутыли. Они были разных размеров: от крошечных флаконов, с палец, до огромных сосудов выше Милы. В каждой плескалась жидкость — прозрачная, голубая, розовая, золотая. На бутылях были приклеены бумажки с надписями.

— «Слёзы нежности», — прочитала Мила. — «Слёзы обиды». «Слёзы смеха». Странно.

— Ничего странного, — сказал старик, выходя из-за стеклянного дерева.

У него были глаза цвета мокрого янтаря и руки в мелких порезах. Он носил фартук из паутины, а в кармане у него

позвякивали пустые флаконы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.